

Арабо-израильский конфликт и попытки его урегулирования

Алек Эштейн

Как бы ни относились те или иные авторы к нынешнему всплеску арабо-израильского конфликта, бесспорно, что динамика развития этого конфликта оказывала определяющее влияние практически на все стороны израильской общественной жизни с первых дней существования Государства Израиль. Формально не отмененное до сих пор чрезвычайное положение, существование (в эпоху Интернета!) военной цензуры, кризис в сфере туризма (кто поедет в страну, где сообщения о террористических актах стали привычной частью любой сводки новостей?), застой в строительстве (вызванный строгими ограничениями, наложенными органами безопасности на работу палестинских арабов в Израиле), многолетняя практика отказа еврейских иммигрантов от языка стран исхода (во многом из-за того, что для сотен тысяч репатриантов языком повседневного общения был арабский), тенденции развития внешнеполитических отношений Израиля с великими державами и Организацией Объединенных Наций — влияние арабо-израильского конфликта на все перечисленные факторы очевидно. Более того, динамика арабо-израильского конфликта — хотя и не единственный, но едва ли не основной фактор, влияющий как на формирование электоральных предпочтений израильских избирателей, так и на уровень сплоченности полиэтнического израильского общества в целом¹.

Более того, принято считать, что именно арабо-израильское противостояние лежит в основе всех проблем ближневосточного региона. Как отмечает Е.Я. Сатановский, «как следствие, аксиомой стала готовность мирового сообщества видеть в урегулировании этого конфликта

панацею от всех ближневосточных бед»². Однако в действительности происходящие на Ближнем Востоке политические процессы являются намного более сложными. По словам Е.Я. Сатановского, «арабо-израильский конфликт, при всей его значимости, — не более чем часть (важная, но относительно небольшая) масштабных процессов на пространстве, захватывающем не только бывшую Османскую империю, но и районы Среднего Востока. На этой территории продолжается перераспределение ресурсов и изменение границ между государствами; усиливается этнический сепаратизм и агрессивный религиозный фундаментализм; ряд стран региона перешел в фазу кризиса — экономического, демографического и экологического»³.

Вся история сионистского движения, становления еврейского *шшува* в Палестине, создания Государства Израиль, развития арабо-израильского конфликта и поисков путей его решения может быть адекватно рассмотрена только в контексте общемировых и региональных политических, экономических и культурологических тенденций. Сионистское движение сформировалось в период заката «золотого века» европейского национализма, что в значительной степени предопределило и успех сионистского проекта, и трудности в его воплощении в жизнь. Еврейский *шшув* в Палестине был одним из многих переселенческих обществ, сформированных волнами массовой миграции; парадигмы интеграции и аккультурации репатриантов в Израиле немногим отличались от аналогичных феноменов в других иммигрантских обществах. Важнейшее значение влияния тенденций развития мировой дипломатии на Государство Израиль проявилось уже в том, что само решение о создании государства было принято на заседании наиболее представительной из международных организаций — Генеральной Ассамблеи ООН.

Даже войны между Израилем и арабскими странами во многом шли по «сценарию извне»: опасения США по поводу возможного военного вмешательства СССР в ближневосточные конфликты (как в самой Палестине, так и за ее пределами)⁴ фактически оставили Израиль без значительной американской поддержки в ходе Войны за независимость, что значительно затянуло войну и привело к большим потерям с израильской стороны; без участия Англии и Франции Израиль почти наверняка не начал бы в 1956 году операцию против Египта; трудно сказать, какой бы баланс сил сложился на Ближнем Восто-

ке, если бы не увенчались успехом попытки американских посредников добиться прекращения огня в Войне Судного дня 1973 года; до того как американцы в январе 1991 года начали операции против Ирака, территория Израиля не обстреливалась ракетами, но после этого на израильскую территорию упало более сорока ракет «скад».

Иными словами, тенденции развития арабо-израильского конфликта, равно как и всех переговоров между его сторонами, напрямую зависят от общей расстановки сил в мире, что превращает Ближний Восток в едва ли не самую нестабильную арену мировой политики, однако в целом обеспечивает сохранение сформировавшейся еще в конце 1940-х гг. системы взаимоотношений между вовлеченными в конфликт сторонами.

До принятия Генеральной Ассамблеей ООН в ноябре 1947 года резолюции № 181 о создании на территории британского мандата двух независимых государств — еврейского и арабского, евреи были меньшинством в Палестине. На момент получения англичанами в 1920 году на конференции в Сан-Ремо мандата на управление Палестиной арабы составляли 90% ее жителей. Массовая еврейская иммиграция (за годы британского правления в Палестину иммигрировали почти 483 тысячи евреев из стран диаспоры) привела к троекратному росту удельного веса евреев в общей численности населения Палестины: к ноябрю 1947 года, когда Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о разделе Палестины и создании на ее территории двух независимых государств, евреи составляли уже 31% населения Палестины⁵. Следует отметить, что после начала в 1936 году арабского восстания мандатные власти ввели значительные ограничения на иммиграцию евреев, которые не были отменены или хотя бы смягчены даже в годы Холокоста, когда миллионы евреев гибли в нацистских лагерях смерти. Сотрудничество с нацистами иерусалимского муфтия Хаджа Амина эль-Хусейни, возглавившего в 1936 году руководивший восстанием Верховный арабский комитет (совместная фотография 1941 года иерусалимского муфтия и Гитлера в его берлинском кабинете получила широкую известность), значительно осложнило возможность достижения политического согласия между арабами и евреями в Палестине.

Нельзя не отметить, что еще в период британского мандата были предприняты многочисленные попытки достижения политических

соглашений между лидерами еврейской общины Палестины и различными течениями арабского националистического движения⁶. Показательно в этой связи письмо, направленное в 1919 году эмиром Фейсалом одному из лидеров американских сионистов Феликсу Франкфуртеру, где, в частности, говорилось:

«Мы считаем, что арабы и евреи — двоюродные братья по крови, одинаково страдающие под властью превосходящих сил и по счастливому совпадению одновременно получившие возможность сделать первые шаги к осуществлению своих национальных идеалов. Мы, арабы, в особенности наш просвещенный слой, с глубокой симпатией относимся к сионистскому движению. Наша делегация в Париже ознакомилась с предложениями, сделанными Сионистской организацией на мирной конференции [в феврале 1919 года]⁷, и считает их умеренными и разумными. Со своей стороны, мы сделаем все возможное, чтобы эти предложения были приняты; мы будем рады приветствовать евреев на их родине»⁸.

Эмир Фейсал признавал, что «еврейское движение является национальным, а не империалистическим»; таким же считал он и арабский национализм, полагая, что «успех одного из наших народов немислим без успеха другого»⁹.

Важно упомянуть и о состоявшихся в 1930-х гг. переговорах между Мусой Алами и тогдашним президентом Еврейского университета в Иерусалиме И.Л. Магнесом. Уже из одного перечисления взаимных контактов и соглашений очевидно, что и в арабском националистическом движении были силы, стремившиеся к взаимопониманию с еврейским национальным движением; этого же всеми силами добились и сионисты.

Однако подобная компромиссная позиция не стала доминирующей. Напротив: среди арабских националистов уже к 1920 году сформировалось организованное сопротивление самой идее любого диалога с сионистским движением, причем тон в этой экстремистской группе задавали палестинские националисты во главе с иерусалимским муфтием Хаджом Амином эль-Хусейни, который не останавливался ни перед чем в попытках сорвать любую возможность достижения согласия между арабским и еврейским националистическими движениями. Таким образом, уже в 1920-е годы сложились два различных пути, причем среди палестинских арабов явно доминировала

конфронтационная идеология, подстрекавшая арабов против еврейского ишува, а в более поздний период — к всеобщей арабской мобилизации против сионизма и Государства Израиль.

Первая арабо-израильская война (ставшая для Израиля Войной за независимость) началась фактически сразу после принятия Генеральной Ассамблеей ООН плана раздела Палестины 29 ноября 1947 года. На протяжении первых месяцев это была ограниченная по масштабам борьба арабов против еврейского населения Палестины, причем велась она в основном вокруг контроля над транспортными артериями. В середине мая 1948 года закончился срок британского мандата на Палестину. Еврейское руководство приняло решение о создании после окончания мандата еврейского государства в Палестине на территории, определенной резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН. В ходе предшествовавшего обсуждения некоторые еврейские лидеры открыто высказывали сомнения и опасения по поводу этого шага. Они боялись реакции арабских стран и великих держав и призывали — кто прямо, кто косвенно — отложить провозглашение независимости¹⁰. Еще в декабре 1947 года в Палестине начались боевые действия, которые к маю 1948 года превратились в войну пяти арабских стран (Египта, Иордании, Сирии, Ливана и Ирака) против Израиля. Зимой 1948 года среди евреев Палестины царила тяжелая атмосфера: еврейские вооруженные формирования не могли справиться даже с неорганизованными бандами местных арабов. 9 января в Палестину проник первый арабский вооруженный отряд из Сирии, 30 января восемьсот вооруженных арабов на пятидесяти грузовиках пересекли палестино-иорданскую границу. К началу марта в Палестине уже находились сирийские, иракские, египетские и ливанские войска общей численностью около шести тысяч человек. По официальным данным британской мандатной администрации, за четыре месяца до 1 апреля 1948 года в Палестине было убито почти две тысячи человек, среди них — восемьсот евреев. Даже и в этих условиях руководители еврейского ишува стремились к достижению компромисса с арабами. 26 марта 1948 года пятеро высокопоставленных сотрудников Политического отдела Еврейского агентства, среди которых был и будущий президент Израиля Хаим Герцог, подготовили «Меморандум по политическим вопросам», в котором подчеркивали необходимость «приложить все возможные усилия для установления

политических контактов с арабскими странами даже в условиях, когда бои в Палестине продолжаются и усиливаются». Авторы меморандума считали: «Мы не вправе ни на минуту забывать о том, чтобы с достоинством для себя и для арабов выйти из конфликта, найти решение, которое сможет привести к миру»¹¹. Однако арабы были непримиримыми противниками плана раздела Палестины. Решение ООН было ими решительно отвергнуто. Среди них не было ни одной сколько-нибудь влиятельной фигуры, готовой пойти на компромисс, хотя бы частично признающий элементы еврейской государственности. Решения ООН по палестинскому вопросу вызвали резкие отклики в арабских кругах и привели к трехдневной забастовке протеста, проведенной под руководством Высшего арабского комитета.

Показательна в этой связи позиция короля Иордании Абдаллы I (прадеда нынешнего короля Иордании Абдаллы II), считавшегося одним из наиболее умеренных арабских правителей. В своей автобиографии Голда Меир рассказывает о встречах с королем Абдаллой, состоявшихся в критический для определения будущего государства период — в ноябре 1947 г. и в первой половине мая 1948 гг. Первая встреча прошла в расположенном в Иорданской долине Нахараиме, в доме, где помещалась администрация построенной Пинхасом Рутенбергом электростанции; кроме Голды Меир, в ней участвовали Эзра Данин и Элиягу Сассон, один из ведущих израильских дипломатов, впоследствии ставший членом правительства страны. Голда Меир сохранила самые теплые воспоминания об этой встрече:

«Мы выпили, как полагалось по этикету, по чашечке кофе и потом начали беседовать. Абдалла был невысокий, очень стройный человек, обладавший большим обаянием. Вскоре главное стало ясным: он не присоединится к нападающим на нас арабам. Он сказал, что всегда останется нашим другом, и больше всего, как и мы, он хочет мира. [...] Мало того: он предложил, чтобы после голосования в ООН мы встретились опять»¹².

Однако следующая встреча прошла в куда менее обнадеживающей атмосфере; сама Голда Меир назвала ее «полным провалом»¹³. Иорданский король известил Голду Меир о том, что не может не вступить в создаваемую против Израиля коалицию арабских стран (в нее, кроме Иордании, вошли Египет, Сирия, Ливан и Ирак). Король Аб-

далла недвусмысленно дал понять, что провозглашение Государства Израиль неминуемо приведет к войне¹⁴, от которой Иордания не сможет остаться в стороне. Это известие было тяжелейшим ударом для еврейского ишува: во-первых, обученный и руководимый английскими офицерами иорданский Арабский легион был наиболее боеспособной из всех армий, готовившихся к вторжению в Израиль; во-вторых, участие Иордания в военных действиях открывало возможность участия в антиизраильской интервенции для иракской армии, маловероятного при сохранении Иорданией нейтралитета (у Израиля и Ирака не было и нет общей границы).

Однако, несмотря ни на что, руководство еврейской общины Палестины приняло решение о провозглашении создания еврейского государства. 14 мая 1948 года, выступая с Декларацией о независимости Израиля, Д. Бен-Гурион заявил: «Даже в условиях кровавых нападений на нас, которые продолжаются уже месяцы, мы призываем сынов арабского народа, проживающих в Государстве Израиль, сохранять мир и участвовать в построении государства на основе полного гражданского равноправия и соответствующего представительства во всех его учреждениях, временных и постоянных». Кроме того, Д. Бен-Гурион прямо обратился ко всему арабскому миру с призывом воздержаться от действий, которые могут привести к тотальной войне в регионе: «Мы протягиваем руку мира и добрососедства всем государствам региона и их народам и призываем их к сотрудничеству с еврейским народом, обретшим независимость в своей стране. Государство Израиль готово внести свой вклад в совместные усилия по развитию всего Ближнего Востока»¹⁵.

Однако призыв Д. Бен-Гуриона не был услышан в арабских столицах. В первую же ночь после провозглашения независимости Израиля руководители арабских государств объявили вновь созданному государству войну на уничтожение¹⁶.

В конце 1948 года после долгих и кровопролитных боев обе воюющие стороны заключили соглашение о прекращении огня. Это соглашение последовало за решением Совета Безопасности ООН от 16 ноября 1948 года, призвавшим всех участников конфликта в Палестине к скорейшему заключению соглашения о перемирии путем прямых (или с участием признанных посредников) переговоров о немедленном

прекращении огня. Совет Безопасности также постановил, что соглашение о перемирии должно включать в себя пункты об установлении постоянных линий прекращения огня, за пределами которых будут запрещены какие-либо перемещения войск любой стороны, а также о сокращении вооруженных сил обеих сторон в той мере, в которой это будет необходимо для поддержания состояния прекращения огня в переходный период к прочному миру в Палестине.

На основании этого решения 14 января 1949 года на греческом острове Родос начались переговоры между израильской и египетской делегациями. Спустя шесть недель, 25 февраля 1949 года, было подписано соглашение о прекращении огня между этими двумя государствами. В начале марта 1949 года начались переговоры о прекращении огня между Израилем и Иорданией, соглашение между ними было подписано 3 апреля 1949 года. Еще до этого, 23 марта, было подписано соглашение между Израилем и Ливаном, а 20 июля 1949 года заключено последнее соглашение о прекращении огня — между Израилем и Сирией¹⁷.

После подписания соглашений о прекращении огня в израильском руководстве сложилось мнение, что эти соглашения являются промежуточным шагом по направлению к достижению полноценных мирных договоров между Израилем и арабскими странами, причем эти договоры могут быть подписаны в ближайшем будущем. Показателен в этой связи параграф 5(2) соглашения о прекращении огня между Израилем и Египтом, гласивший: «Линия прекращения огня ни в коем отношении не рассматривается как политическая или территориальная граница и проводится без ущерба для прав, претензий и позиций какой-либо из сторон в том, что касается окончательного урегулирования палестинского вопроса»¹⁸. Расчет на быстрое начало всеобъемлющих политических переговоров в числе прочего основывался на том предположении, что поражение в войне оказалось для арабского мира столь сильной травмой, что должно непременно привести его к выводу о том, что существование Государства Израиль стало непреложным и свершившимся фактом. Иными словами, по мнению израильских руководителей, арабские лидеры не могли не понять, что ход истории невозможно повернуть вспять, и если Государство Израиль уже стало неотъемлемой частью политической кар-

ты Ближнего Востока, то имеет смысл примириться с этим и извлечь из сотрудничества с Израилем максимальную пользу.

Этого, однако, не случилось. С течением лет военная напряженность между Израилем и его соседями постоянно возрастала. Постепенно выяснилось, что в Израиле и в арабских странах существуют различные мнения едва ли не по всем актуальным вопросам внешней политики, в том числе и по поводу подписанных в 1949 году соглашений о прекращении огня. В Израиле все больше сознавали, что арабские страны рассматривают эти соглашения не как этап на пути к мирному урегулированию, то есть к прекращению состояния войны, а лишь как передышку в военной кампании. В свете такой оценки Израиль должен был изменить свою позицию в отношении соглашений о прекращении огня. Если в момент подписания соглашений и некоторое время спустя Израиль видел в них лишь касающиеся сугубо военных аспектов временные правила, которые должны быть заменены полноценными мирными договорами, то впоследствии израильские лидеры стали подчеркивать политический характер этих соглашений. Как отмечал известный израильский военный аналитик И. Гаркави, «парадоксальным образом прекращение огня превратилось из моста на пути к миру в суррогат мира»¹⁹. Такое положение сохранялось на протяжении тридцати лет, а в отношениях Израиля с Сирией и Ливаном сохраняется и сейчас.

Интересно сравнить ситуации прекращения огня после Войны за независимость и после Шестидневной войны. Восемнадцать лет спустя, 10 июня 1967 года, соглашение о прекращении огня, достигнутое в результате повторного призыва Совета Безопасности ООН прекратить военные действия и согласия Израиля и Сирии последовать этому призыву²⁰, стало официальным окончанием Шестидневной войны.

Прекращение огня в 1967 году последовало тогда, когда Израиль уже был хозяином обширных территорий, имеющих как историческое (Старый город Иерусалима, Хеврон и некоторые другие места Святой Земли), так и стратегическое значение (прежде всего, Синайский полуостров и Голанские высоты). Однако желанного спокойствия не принесла и эта военная победа. В августе 1967 года на конференции в Хартуме главы правительств арабских стран ответили на призыв израильских лидеров, обращенный к ним, тремя отрицательными

ответами: нет — миру с Израилем, нет — признанию Израиля, нет — переговорам с Израилем²¹.

Дипломатические усилия по урегулированию арабо-израильского конфликта, предпринятые международными организациями и прежде всего ООН, также не привели к снижению напряженности. 17 июня на сессии Генеральной Ассамблеи ООН А.Н. Косыгин от имени Советского Союза предложил резолюцию, в которой, помимо осуждения Израиля и требования вывести войска, содержался призыв к Совету Безопасности «принять безотлагательные эффективные меры по ликвидации всех последствий израильской агрессии»²². Когда после выступления советского премьер-министра слово взял Абба Эвен, чтобы опровергнуть советские обвинения, А.Н. Косыгин и А.А. Громыко демонстративно покинули зал заседаний. Советская резолюция была отклонена, так же как и аналогичная резолюция, неоднократно предлагавшаяся СССР Совету Безопасности во время войны.

4 июля 1967 года на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН были предложены, кроме советской, еще две резолюции: югославская и латиноамериканская. За советскую резолюцию проголосовало 22 члена ООН из 120. За югославскую, призывающую Израиль вернуться к линиям перемирия 1948 года и подписать вместе с арабами декларацию о прекращении состояния войны, 53 голоса. За латиноамериканскую, уязвляющую вывод израильских войск с заключением соглашения между странами Ближнего Востока, — 57 голосов. Таким образом, ни одному из проектов резолюции не удалось набрать необходимого большинства в 2/3 голосов²³.

Как отмечает Говард Сакер, «мало кто из дипломатов надеялся, что советская или американская резолюция соберет большинство в две трети голосов, необходимое для утверждения на Генеральной Ассамблее. В лучшем случае пройти могла компромиссная формулировка»²⁴. В конце концов с помощью большинства членов Совета Безопасности была выработана компромиссная формулировка, которая 22 ноября 1967 года была принята Советом Безопасности в качестве резолюции № 242. В нескольких пунктах текст этой резолюции, составленной на английском языке, был нарочито двусмысленным. Арабы могли ссылаться на такие выражения, как «вывод израильских войск» и «решение проблемы беженцев». Напротив, Израиль подчеркивал отсутствие определенного артикля перед словом «территории»,

что, по его мнению (а также по мнению США), означало нечто меньшее, чем полный вывод израильских войск со всех занятых территорий. В пользу Израиля говорили также содержащиеся в документе призывы к признанию суверенной целостности государств региона и неприменению силы на Ближнем Востоке, к гарантированию свободы судоходства в международных водах и к направлению в район конфликта представителя ООН, который «способствовал бы соглашению и помог усилиям по достижению мирного и взаимоприемлемого урегулирования». «Резолюция номер 242 обозначила начало нового этапа дипломатических достижений на Ближнем Востоке, — писал индийский представитель в ООН Артур Лалл. — Перспективы ближневосточного мира никогда не были такими обещающими, как в начале 1968 года»²⁵. Такая оценка разделялась многими современниками. Это была не первая и далеко не последняя из дипломатических иллюзий, сопровождавших многолетний поиск разумного и согласованного решения арабо-израильского конфликта.

В декабре 1969 года государственный секретарь США Уильям Роджерс предложил план заключения мирного договора между Израилем, Иорданией и Египтом на основе почти полного вывода израильских войск с оккупируемых им территорий. План предусматривал соглашение о прекращении огня на три месяца, но оставлял открытым вопрос о статусе сектора Газа и Шарм-аль-Шейха. Насер, которого стала беспокоить возрастающая политическая зависимость Египта от СССР, проявил готовность принять план У. Роджерса. Иордания тоже выразила свое согласие с ним. 31 июля 1970 года Израиль заявил о своем присоединении к плану У. Роджерса. Соглашение о прекращении огня между сторонами вступило в силу в полночь 8 августа 1970 года. Это соглашение знаменовало собой реальное, а не формальное окончание Шестидневной войны. Однако перемирие оказалось недолгим; до следующей арабо-израильской войны оставалось лишь чуть более трех лет.

Для начала операции против Израиля (согласованной с выразившей готовность присоединиться к египетскому нападению Сирией) был выбран *Йом-Китур* — праздник Судного дня, когда жизнь во всем Израиле почти полностью замирает. 6 октября 1973 года египетская и сирийская армии начали одновременное наступление против Израиля. Израильское руководство получало информацию о готовящемся

нападении, однако доминировавшая в тот период концепция, согласно которой после шока, вызванного разгромом в Шестидневной войне, арабские страны не решатся атаковать Израиль, привела к тому, что решение о мобилизации резервистов так и не было принято. В результате малочисленные израильские воинские соединения не смогли адекватно отразить атаки египетских и сирийских вооруженных сил и были вынуждены отступить на главных направлениях их ударов. Ситуация изменилась 8 октября, когда в части начали прибывать резервисты, что позволило начать массированные контратаки против египетских подразделений и перейти в контрнаступление на сирийском фронте. 13 октября израильские войска прорвали линию обороны в 40 километрах от Дамаска. В этот же день США открыли «воздушный мост», по которому в Израиль стали поступать самолеты, военное снаряжение и противотанковое оружие (советский «воздушный мост» для Египта начал действовать еще 10 октября). 15 октября передовые израильские части прорвались на западный берег Суэцкого канала, перерезав коммуникации египетских сил на восточном берегу.

Изменение ситуации в зоне конфликта привело к тому, что советские представители в ООН стали добиваться немедленного прекращения огня. Посол СССР в США А.Ф. Добрынин передал государственному секретарю Г. Киссинджеру послание Л.И. Брежнева, приглашавшего его вылететь в Москву для срочных консультаций. Во время встреч в Москве Г. Киссинджер согласился с необходимостью срочно добиться прекращения огня в зоне Суэцкого канала, но обусловил это началом мирных переговоров между Египтом и Израилем. В 21:30 20 октября советский посол в Египте Виноградов вручил президенту А. Садату послание с требованием немедленного прекращения огня. В послании содержался проект резолюции двух держав, который планировалось предложить Совету Безопасности ООН. Советские руководители обещали оказать египтянам максимальную политическую и военную помощь в случае нарушения Израилем соглашения о перемирии²⁶.

Руководство Израиля с недоверием отнеслось к декларациям о готовности Египта прекратить огонь, но Г. Киссинджер, вылетевший из Москвы в Тель-Авив, добился согласия израильского кабинета на заключение перемирия. Утром 22 октября 1973 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию о прекращении огня.

ности ООН принял резолюцию № 338, призывающую воюющие стороны в течение двенадцати часов прекратить огонь. Израиль и Египет приняли эту резолюцию, Сирия ее отклонила. Но реально перемирие не наступило и на Синайском полуострове. Израильские части, продолжая наступление, вышли на расстояние 50 километров от столицы Египта Каира, окружив и отрезав от баз снабжения Третью египетскую армию, защищавшую южную часть западного берега Суэцкого канала и плацдарм на восточном берегу. В этой ситуации Египет начал настаивать на строгом выполнении резолюции ООН. Его требования были поддержаны СССР, опасавшимся не только за собственный престиж (который мог бы пострадать из-за очередного поражения армии дружественной страны, оснащенной советским вооружением), но и за шансы по-прежнему демонстрирующего свою просоветскую лояльность А. Садата остаться у власти. Г. Киссинджер, со своей стороны, видел в спасении Третьей армии важный фактор заключения мира между Египтом и Израилем. С его подачи 24 октября была принята вторая резолюция Совета Безопасности ООН, призывающая к заключению соглашения о прекращении огня. 24 октября огонь был прекращен²⁷.

Египет требовал отвода израильских войск к позициям, занимаемым по состоянию на 22 октября. СССР демонстративно привел свои десантные части в боевую готовность для переброски на Ближний Восток, дав понять, что готов на военное вмешательство в случае, если Израиль откажется выполнить это требование. В ответ на эту угрозу утром 25 октября США объявили о приведении всех своих вооруженных сил в полную боевую готовность. Угроза начала третьей мировой войны вынудила египтян снять свое требование.

На сирийском фронте израильской армии удалось к 8 октября подавить ракетную систему ПВО противника и разбомбить посадочные полосы большинства его военных аэродромов. Успешное наступление на Сирию было остановлено 13 октября по решению израильского Генерального штаба, решившего не штурмовать Дамаск. Причиной этого стало как опасение больших потерь при штурме города с миллионным населением, враждебно относящимся к Израилю, так и нежелание обострять конфликт с СССР и странами арабского блока²⁸. Было даже решено не подвергать Дамаск артиллерийским обстрелам. Единственной серьезной акцией стал бомбовый удар по зданию

генерального штаба сирийской армии. Но и на нее Израиль решился лишь после применения Сирией ракет «земля–земля» против гражданских поселений в Галилее²⁹.

Опасения Израиля втянуться в затяжной конфликт оказалась оправданными. После того как в конце 1973 года арабские страны наложили эмбарго на поставку нефти странам, поддерживающим Израиль, совет министров стран Общего рынка принял декларацию, поддерживающую антиизраильскую позицию арабских стран. Кроме того, еще во время войны западноевропейские правительства запретили американским самолетам, поддерживавшим «воздушный мост» с Израилем, приземляться для заправки на их территории³⁰. Единственной страной, предоставившей свои аэродромы американским самолетам, доставлявшим военное снаряжение Израилю, была Португалия³¹. Попытки премьер-министра Израиля Голды Меир переломить ситуацию в отношениях с Европой, используя контакты Рабочей партии Израиля в Социалистическом Интернационале, ни к чему не привели. С Израилем разорвали дипломатические отношения почти все страны Африки, включая и те, которым Израиль оказывал экономическую и социальную помощь в 1958–1973 годах.

Создавшееся международное положение усилило зависимость Израиля от США. Хотя Голда Меир во время визита в США 31 октября 1973 года получила заверения президента Р. Никсона в том, что на Израиль не будет оказано давления в отношении уступок арабским странам, ситуация была очень сложной. С военной точки зрения она была благоприятной: под контролем Израиля оказались новые территории площадью в 325 кв. миль в Сирии и около 1600 кв. миль — в Египте; израильский флот уничтожил ударные военно-морские силы Египта и Сирии, обеспечив контроль над большей частью восточного Средиземноморья и северной частью Красного моря. Однако политическое давление на Израиль росло.

После вступления в силу соглашения о прекращении огня между позициями израильских и египетских войск были установлены наблюдательные пункты ООН, и Г. Киссинджер начал переговоры с руководством Израиля и Египта о размежевании сил. 10 ноября 1973 года воюющие стороны подписали соглашение из шести пунктов, сводившееся к обязательствам Израиля не препятствовать снабжению продовольствием окруженной южнее Исмаилии Третьей египетской

армии и к договоренности о немедленном обмене пленными, начатом 15 ноября. В рамках соглашения из плена были освобождены 8301 египетский и 241 израильский солдат.

21 декабря 1973 года в Женеве под председательством СССР и США открылась мирная конференция по урегулированию конфликта на Ближнем Востоке. Сирия отказалась участвовать в ней, однако Израиль, Египет и Иордания прислали своих представителей. Но и между приехавшими дипломатами не удалось установить нормального диалога. Египетская сторона настаивала на соглашении о прекращении огня, отвергая предложения о долгосрочном мире. Хотя никаких политических решений на этой встрече принято не было, через несколько дней после ее окончания, 18 января 1974 года, на 101-м километре шоссе Каир–Суэц было подписано соглашение о разъединении войск на Синайском фронте. Израиль обязался в течение шести недель вывести свои войска с территории Египта к западу от Суэцкого канала. Египет получил право держать 7 тысяч солдат к востоку от канала, а Израиль — такое же количество военнослужащих к западу от перевалов Митла и Гидди. Между этими линиями на 6 месяцев разместился контингент ООН.

Развитие военно-политического диалога между Израилем и Египтом не соответствовало позиции сирийских руководителей, которые — не без поддержки СССР — стремились сорвать процесс мирного урегулирования. Но их влияние на ход событий на Ближнем Востоке теперь было гораздо меньшим, чем влияние США. Процесс достижения военного соглашения, необходимость которого к маю 1974 года осознали и в Сирии, шел теперь при посредничестве американских дипломатов. Визиты Киссинджера в Дамаск и Иерусалим сблизили точки зрения сторон, и в конце мая между Сирией и Израилем было достигнуто соглашение о разъединении войск, сразу после которого начался обмен пленными. Выполняя соглашение, Израиль отвел свои войска с территории разрушенного города Кунейтра на Голанских высотах. Между позициями двух армий были расположены 1250 военнослужащих ООН. Это соглашение подвело окончательный итог действиям регулярных войск в Войне Судного дня.

В сентябре 1975 года между Египтом и Израилем было заключено промежуточное соглашение о Синае. Оно предусматривало вывод израильских войск от перевалов Митла и Джидди, установление на

Синае системы электронного наблюдения под американским контролем и возвращение Египту нефтяных полей Абу-Родеса. Взамен Израилю была гарантирована свобода судоходства по Суэцкому каналу.

В этот период президент Египта Анвар Садат принял принципиальное решение о сближении с Израилем. Выступая в египетском парламенте, он заявил о готовности «отправиться на край света и даже в кнессет в Иерусалиме, чтобы начать переговоры о мире с Израилем»³². 19 ноября 1977 года начался исторический визит А. Садата в Израиль, в ходе которого он объявил о готовности перейти к мирным отношениям с Израилем.

5 сентября 1978 года по приглашению президента США в Кемп-Дэвиде встретились делегации Израиля, Египта и США, возглавляемые М. Бегиним, А. Садатом и Дж. Картером. 17 сентября 1978 года, после тринадцати дней переговоров, лидеры Египта и Израиля подписали документ о принципах подписания мирного договора между Египтом и Израилем и о принципах установления мира на Ближнем Востоке. 26 марта 1979 года в Вашингтоне был подписан мирный договор между Израилем и Египтом, положивший конец состоянию войны между двумя государствами. В соответствии с ним Египту был возвращен Синайский полуостров, между двумя странами устанавливались дипломатические отношения в полном объеме.

Кемп-Дэвидский мирный договор стал следствием осознания руководством Египта — наиболее сильной в военном плане арабской страны Ближнего Востока — бесперспективности исключительно военных методов решения ближневосточного конфликта. В историческом плане это понимание возникло в ходе Войны Судного дня и преодоления ее последствий. Аналогичное понимание стало возникать и в руководстве и общественном мнении Израиля. Однако большинство арабских государств не только отказались поддержать начатый руководством двух стран мирный процесс, но и — в знак протеста против Кемп-Дэвидского мирного договора — разорвали дипломатические отношения с Египтом. Но ни это, ни убийство 6 октября 1981 года президента Египта А. Садата уже не в состоянии были вернуть Ближний Восток к прежнему состоянию тотальной взаимной неприимости.

Важно отметить, что подписание египетским президентом А. Садатом мирного договора между двумя странами не связывалось с при-

нятием Израилем каких-либо конкретных обязательств по палестинскому вопросу. Об этом, в частности, свидетельствует в своих мемуарах бывший государственный министр по иностранным делам Египта, впоследствии избранный Генеральным секретарем ООН, Бутрос Гали. По его словам, он «повторял по каждому поводу, что мир между Египтом и Израилем должен быть увязан с прогрессом [в обеспечении прав палестинцев] в Газе и на Западном берегу». Однако, по его же свидетельству, «такой увязки и Садат, и Бегин по разным причинам старались избегать»³³. Не лишним будет напомнить, что на протяжении девятнадцати лет — с 1948 по 1967 годы — населенный сотнями тысяч палестинских арабов сектор Газа находился под полным египетским контролем, однако никаких усилий по созданию на этой территории палестинского государства или хотя бы автономии Египет не предпринимал.

То же касается и территорий Западного берега реки Иордан, находившихся до 1967 года под полным иорданским контролем. Как уже говорилось, интенсивные контакты между израильскими и иорданскими лидерами начались еще до провозглашения государственной независимости Израиля. После Войны за независимость переговоры между сторонами возобновились 20 декабря 1948 года и продолжались фактически до дня убийства короля Абдаллы I, павшего от рук мусульманского фанатика 20 июля 1951 года. Переговоры выявили весьма значительные расхождения во взглядах между сторонами. В особенности это касалось требования Иордании о распространении ее суверенитета на шоссе, соединяющее сектор Газа с западным побережьем реки Иордан, десятки километров которого проходили по суверенной территории Израиля. Немаловажным было и то, что Великобритания и Египет выступали против заключения сепаратного мирного соглашения между Израилем и Иорданией.

Внук Абдаллы I король Хуссейн, правивший Иорданией почти пятьдесят лет, также многократно встречался едва ли не со всеми израильскими лидерами. В 1985 году Иордания достигла негласной договоренности с руководителями СССР и Сирии, согласно которой Иордания могла продолжать более или менее регулярные встречи с представителями Израиля, однако обязалась не идти на официальные мирные переговоры и не заключать мирный договор с Израилем в одностороннем порядке³⁴. До 1988 года иорданские руководители ни

разу не выступали за создание независимого палестинского государства. Речь шла исключительно о разделе территории бывшего британского мандата между Иорданией и Израилем.

1990-е гг. ознаменовались значительным продвижением арабо-израильского мирного урегулирования: в 1991 году прошла международная конференция по вопросам арабо-израильского урегулирования в Мадриде; начиная с 1993 года в Осло, Вашингтоне, Шарм-аль-Шейхе и Уай-Плантейшн был заключен целый ряд промежуточных соглашений с палестинцами; в 1994 году был подписан мирный договор между Израилем и Иорданией³⁵, восемь арабских стран открыли в Израиле свои представительства. Парадоксальным образом продвижение процесса мирного урегулирования между Израилем и арабскими странами и палестинцами привело к обострению внутривосточной ситуации в самом Израиле. Дело было не только — и не столько — в массовых демонстрациях протеста против территориальных уступок правительства И. Рабина — Ш. Переса, которые считало чрезмерными явное большинство израильтян (хотя и эти выступления внесли важный вклад в углубление раскола в израильском обществе). Прежде едва ли не все внимание общества было занято арабо-израильским конфликтом, что отвлекало его внимание от накопившихся в стране проблем, связанных с социально-этническим неравенством в ряде сфер общественной жизни. Теперь их решением было готово заняться сразу несколько социальных групп со слишком противоречивыми интересами.

В 1990-х годах политическая ситуация в Израиле изменилась: ощущение (не столь важно, насколько верное) того, что казавшийся неразрешимым арабо-израильский конфликт движется к урегулированию, привело к резкому снижению единства в израильском обществе, основанного прежде всего на чувстве общего противостояния превосходящим силам внешнего врага. Государство, которое десятилетиями подчеркивало свой национальный характер, неожиданно для многих оказалось перед необходимостью заново формулировать основные идеологические принципы своего существования. Подспудно тлевшие религиозные и этнические противоречия между многочисленными группами полиэтнического и мультиконфессионального израильского общества едва ли не в одночасье стали важнейшим фактором внутренней политики³⁶.

Исторически перед израильским обществом стояла крайне сложная задача — превратить иммигрантов в единую нацию. Спад напряженности арабо-израильского конфликта и сопутствовавшие этому изменения в израильском обществе способствовали возникновению общественного климата, терпимого по отношению к борьбе русскоязычных иммигрантов за право своего коллективного самовыражения в политике и культуре. Еще дальше пошли традиционалистски настроенные евреи — выходцы из мусульманских стран и их родившиеся уже в Израиле потомки, создавшие собственную обособленную систему просвещения (на иврите — «Эль ха-мааян ха-хинух ха-Торани») и заявившие о намерении изменить сложившийся в Израиле еще в конце 1940-х гг. статус-кво в отношениях между религией и государством. По их мнению, государство утратило подлинно еврейский характер, став своего рода Америкой на Ближнем Востоке. Основанная *сефардскими* традиционалистами в середине 1980-х гг. партия ШАС («*Сефарды* — хранители Торы»), сочетающая религиозный фанатизм с социальным популизмом самого примитивного уровня, добилась в 1990-е гг. невиданных успехов, к концу десятилетия сформировав третью по величине фракцию в парламенте страны.

В противовес требованиям усиления еврейской составляющей государственной политической культуры израильские граждане арабской национальности (как мусульманского, так и христианского вероисповедания) все активнее выступают за превращение Израиля в обычное светское государство³⁷. Ими выдвигаются требования как об изменении сугубо еврейской государственной символики, так и об отмене принятого еще полвека назад принципиально важного для сохранения еврейского характера Государства Израиль Закона о возвращении, согласно которому евреи из любых стран имеют право на репатриацию в Израиль. Выступая за отмену Закона о возвращении, израильские арабы (все чаще идентифицирующие себя не как «израильские арабы», а «палестинцы, находящиеся под израильской оккупацией с 1948 года») выдвигают требование о предоставлении права на возвращение в Израиль всем палестинцам, покинувших свои дома в ходе развязанной арабами войны 1948–1949 годов, а также их потомкам. В ходе первой арабо-израильской войны свои дома покинуло примерно шестьсот — восемьсот тысяч палестинских арабов, большинства из которых давно уже нет в живых³⁸. В различных источниках

оценки общей численности палестинских беженцев зачастую не соответствуют друг другу. Так, бывший премьер-министр Израиля Голда Меир была убеждена, что их число не превысило 590 тыс. человек. Согласно приводимым ею данным, 30 тыс. уехало сразу после ноября 1947 года, с принятием Генеральной Ассамблеей ООН резолюции о разделе Палестины; еще 200 тыс. — зимой и весной 1948 года (в том числе — большинство из 62 тыс. арабов, живших в городе Хайфе); остальные покинули Палестину после провозглашения Государства Израиль и закончившегося провалом вторжения на его территорию арабских стран³⁹. Согласно данным, приводимым другим бывшим премьер-министром, Шимоном Пересом, Центральное статистическое бюро Израиля в своих расчетах, переданных министру иностранных дел Моше Шарету 2 июня 1949 года, оценивало численность палестинских беженцев в 577 тыс. Поскольку часть палестинцев сумела вернуться на территорию Израиля после подписания соглашений о прекращении огня, израильское правительство пришло к выводу, что общее количество беженцев не превышало 520–530 тыс.⁴⁰ Официальные британские источники оценивали общее количество палестинских беженцев в пределах от 600 тыс. (данные отдела исследований Министерства иностранных дел в Лондоне) до 760 тыс. человек (оценка Комиссии по примирению). Арабские страны назвали ООН еще более высокую цифру, выглядящую значительно завышенной, — 900 тыс. человек. Полвека спустя палестинские лидеры заявляют, что в настоящее время правом на возвращение обладают более четырех миллионов представителей палестинской диаспоры — потомков беженцев 1948 года. Удовлетворение этого требования привело бы к превращению Израиля в двунациональное государство с равным удельным весом еврейского и арабского населения. С учетом более высоких темпов естественного прироста среди арабского населения (по данным ЦСУ Израиля, израильские арабы имеют в среднем 4,57 ребенка на семью — против лишь 2,64 ребенка на еврейскую семью⁴¹) это государство в течение считанных лет стало бы преимущественно арабским, а еврейское меньшинство окажется в нем под угрозой духовного и физического уничтожения: разгром, учиненный палестинцами на переданной под их контроль могиле праотца Иосифа в Шехе, стал недвусмысленным индикатором такой опасности.

Требование о возвращении в Израиль потомков палестинских беженцев отвергается почти всеми живущими в Израиле евреями, в том числе и сторонниками левого блока МЕРЕЦ и миротворческой организации «Мир — сегодня». Напротив, подавляющее большинство имеющих израильское гражданство арабов считает право потомков палестинских беженцев на возвращение на территорию Израиля непременным условием любого политического урегулирования между арабами и израильтянами. Это принципиальное различие стало основным камнем преткновения на переговорах между израильтянами и палестинцами летом 2000 года, провал которых и привел к началу в сентябре того же года нового витка антиизраильского террора.

Чрезвычайно важно отметить, что еще до обретения собственной независимости Израиль принимал тысячи еврейских беженцев, спасавшихся от гитлеровского геноцида, которым удалось самыми непредсказуемыми путями (например, из Польши в Палестину через Туркмению и Иран) добраться до Земли Обетованной. Израиль продолжал принимать еврейских беженцев и после образования государства. Помимо беженцев из Европы, молодое государство приняло сотни тысяч еврейских беженцев из арабских стран, которым в 1948–1951 годах пришлось покинуть прежние места своего проживания. За эти годы в Израиль прибыло более 600 тыс. из приблизительно 940 тыс. евреев, живших в мусульманских странах. Во многих случаях они оставляли там все нажитое поколениями имущество. Всем еврейским беженцам из арабских стран Израиль немедленно предоставил гражданство и соответствующие социальные и политические права, в то время как палестинские беженцы содержались в арабских странах в лагерях для перемещенных лиц, и ни одно государство, кроме Иордании, не предоставило им гражданства. Как отмечает Шимон Перес, «лидеры арабских стран [...] стремились использовать нерешаемую проблему беженцев в качестве политического оружия против Израиля. Платить же за это пришлось — и приходится сейчас — прежде всего самим палестинцам, которых фактически превратили в нацию беженцев»⁴².

Интеграция в Израиле евреев — выходцев из арабских стран хотя и была значительно более успешной, но также породила острые проблемы. О статусном неравенстве между различными национальными и этническими группами израильского общества социологи заговорили

еще во второй половине 1970-х гг.⁴³. В работах Сами Самухи, Дворы Беренштейн, Шломо Свирского, Чарльза Кеймана и некоторых их коллег было показано, что, несмотря на декларируемый в Декларации независимости Израиля принцип равенства людей разных конфессий, национальностей и полов, на практике уровень жизни, образования и доходов представителей этнокультурных меньшинств (прежде всего израильских арабов и евреев — выходцев из стран Востока) значительно ниже, чем тот, которого достигли евреи — выходцы из стран Европы. Социологи сделали вывод о том, что подлинная социальная интеграция, декларируемая государственными структурами как их основная цель, реально не достигнута. Доминирование арабо-израильского конфликта во всех сферах политической жизни страны объясняет как терпимое отношение израильтян к сложившемуся неравенству между евреями и арабами, так и отсутствие скольконибудь значимых движений протеста, выступающих против социально-экономической дискриминации тех или иных групп израильского общества.

Парадоксальным образом продвижение процесса мирного урегулирования Израилем и палестинцами привело к ухудшению статуса израильских арабов, которые оказались как бы «дважды на периферии»: с точки зрения многих евреев, они не воспринимаются как полноправные израильтяне, а палестинцы нередко клеймят их как «предателей, не восстающих против ига сионистской оккупации». Позиция большинства израильских арабов, требующих национально-культурной автономии и полного социально-политического равноправия в Государстве Израиль, отвергается как большинством израильских (которые видят в Израиле прежде всего еврейское государство), так и палестинских лидеров, ожидающих от израильских арабов полного разрыва с Израилем и идентификации с палестинской интифадой.

Требования изменения принципов, на которых на протяжении десятилетий базировалась израильская общественная жизнь, в последние годы выдвигались не только русскоязычными иммигрантами, традиционалистски настроенными выходцами из восточных общин и арабскими гражданами Израиля, но и некоторыми другими общественными группами. Протестное антиклерикальное голосование светского населения на выборах 1999 года принесло 5% мест в парламенте

партии *Шинуй* [«Перемены»], позиции которой по ключевым вопросам арабо-израильского конфликта не были известны ни до, ни во время выборов.

Проблемы, связанные с развитием арабо-израильского конфликта и возможными путями их решения, на протяжении многих лет находились в эпицентре всех электоральных противоборств в Израиле. В середине 1990-х гг. ситуация изменилась, однако с началом в сентябре 2000 года нового витка палестинской интифады все вернулось «на круги своя»: именно позиция тогдашнего премьер-министра Эхуда Барака на палестинском направлении предопределила его разгромное поражение на всеобщих выборах 6 февраля 2001 года, когда Э. Барака поддержало менее 38% избирателей, а его соперника, лидера блока Ликуд Ариэля Шарона, — более 62% избирателей, принявших участие в голосовании. Вопросы культурной и образовательной политики, равно как и статус-кво в отношениях между религией и государством, в ходе избирательной кампании вообще не поднимались. Можно с высокой долей уверенности предположить, что, пока сохранится нынешняя напряженность в отношениях между израильтянами и арабским миром (на сегодняшний день посольства Египта и Иордании работают в Израиле в отсутствие послов, а открытые прежде дипломатические представительства восьми арабских стран закрыты), вопросы, не связанные напрямую с арабо-израильским конфликтом, не будут иметь сколько-нибудь определяющего значения для израильской общественной жизни. И напротив, неожиданный, но возможный прорыв в области арабо-израильского мирного урегулирования приведет к активизации процессов этнокультурного обособления и внутриобщинной сегрегации, как это и было в 1990-х годах.

Примечания

1. Данный тезис был впервые высказан иерусалимским социологом Барухом Киммерлингом в середине 1970-х гг.; см.: *Kimmerling B. Anomie and Integration in Israeli Society and the Salience of the Arab Israeli Conflict // Studies in Comparative International Development. 1974. Vol. 9. Issue 3. P. 64–89.*
2. *Сатановский Е.* Россия и ближневосточный мирный процесс // Россия на Ближнем Востоке: Цели, задачи, возможности. М.: Ин-тут изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001. С. 206.
3. Там же.

4. Об этом недвусмысленно писал в своей телеграмме от 12 февраля 1948 г. член делегации Еврейского агентства при ООН Г. Руффер руководителю политического отдела представляемой им организации (впоследствии — первому министру иностранных дел и второму главе правительства Израиля) М. Шаррету. По его словам, американское военное вмешательство в ближневосточный конфликт «немедленно позволило бы русским вторгнуться в Северный Иран под предлогом защиты своих интересов». Еще раньше, 2 ноября 1947 г., директор отдела по делам взаимоотношений с ООН Гос. департамента США Д. Раск предостерегал советника представительства Еврейского агентства в Нью-Йорке Л. Гелбера от «любого проявления привязки к России». См.: Советско-израильские отношения. Сб. документов. М.: Международные отношения, 2000. Т. I. Кн. 1. С. 286–287, 262.
5. См.: *Нойбергер Б.* Арабское меньшинство: национальная обособленность и политическая интеграция // *Власть и политика в Государстве Израиль.* Тель-Авив: Открытый ун-тет Израиля. Кн. 11. 1997. С. 6.
6. См. в статье бывшего посла Израиля в Египте и в Турции Моше Сассона «Арабо-израильский переговорный процесс в исторической перспективе» в этой книге.
7. «Меморандум Сионистской организации Парижской мирной конференции» от 3 февраля 1919 г. см. в кн.: *Кац Ш.* Земля раздора. Действительность и фантазии в *Эрец-Исраэль.* Тель-Авив: Изд-во «Карни», 1992. С. 319–321.
8. Цит. по: *Вейцман Х.* В поисках пути. Иерусалим: Биб-ка «Алия», 1983. С. 249.
9. Там же.
10. См.: *Шалом З.* Проблемы безопасности и формирование оборонной политики Израиля // *Становление израильской демократии. Первое десятилетие.* Тель-Авив: Открытый ун-тет Израиля. Кн. 3. 2001. С. 12–14.
11. См.: Советско-израильские отношения. Сб. документов. Т. I. Кн. 1. С. 289–290.
12. *Меир Г.* Моя жизнь. Автобиография. Иерусалим: Биб-ка «Алия», 1990. Т. I. С. 240–241.
13. Там же. С. 247.
14. 5 ноября 1947 г. временный поверенный в делах СССР в Ираке А.Ф. Султанов сообщал в Ближневосточный отдел МИДа СССР, что «арабы считают, что если они не помешают созданию еврейского государства сейчас, то потом будет поздно» (Советско-израильские отношения. Сб. документов. Т. I. Кн. 1. С. 264).
15. Фрагмент Декларации независимости Израиля. Полный текст см.: *Краткая Еврейская Энциклопедия.* Т. II. Иерусалим: Об-во по исследованию еврейских общин, 1982. Кол. 299–302. Об отношении Бен-Гуриона к арабской проблеме см. его кн.: *Mu Talks with Arab Leaders.* Jerusalem: Keter, 1972.
16. История Войны за независимость подробно излагается в следующих источниках: *Война за независимость* // *Краткая Еврейская Энциклопедия.* Т. I. Иеру-

- салим: Об-во по исследованию еврейских общин, 1976. Кол. 705–717; *Герцог Х.* Арабо-израильские войны. Лондон: Изд-во «Нина Карсов», 1986. С. 23–166; *Сакер Г.* История Израиля. Иерусалим: Биб-ка «Алия», 1994. Т. II. С. 302–370.
17. Подробнее о подготовке и подписании Родосских соглашений о прекращении огня см.: *Шалом З.* Проблемы безопасности и формирование оборонной политики Израиля. С. 29–37.
 18. Полный текст подписанного в 1949 г. соглашения о прекращении огня между Израилем и Египтом в переводе на русский язык см.: Государство Израиль: политика и общество в документах / Под ред. Каца З., Орла В. Иерусалим: Еврейский ун-тет, 1992. С. 25–32 (цит. фрагмент — с. 27).
 19. Статья И. Гаркави, бывшего членом израильской делегации на Родосских переговорах, «Соглашения о прекращении огня — взгляд назад» была опубликована на иврите в 1984 г. в журнале «Маарахот» [«Битвы»] (№ 294. С. 2–5).
 20. См.: *Черчилль Р. и У.* Шестидневная война. Иерусалим: Биб-ка «Алия», 1990. С. 209.
 21. См.: *Эттингер Ш.* Очерк истории еврейского народа. Иерусалим: Биб-ка «Алия», 1990. Ч. II. С. 791.
 22. Цит. по: *Черчилль Р. и У.* Шестидневная война. С. 229.
 23. См. там же. С. 233–234.
 24. *Сакер Г.* История Израиля. Т. III. С. 320.
 25. Цит. там же. С. 321.
 26. См.: *Герцог Х.* Арабо-израильские войны. Т. II. С. 134.
 27. Там же. С. 141–142.
 28. Там же. С. 164.
 29. Там же.
 30. См.: *Меир Г.* Моя жизнь. Автобиография. Т. II. С. 490–492.
 31. См.: Государство Израиль // Краткая Еврейская Энциклопедия. Т. III. Иерусалим: Об-во по исследованию еврейских общин, 1986. С. 366.
 32. Цит. по: Государство Израиль // Краткая Еврейская Энциклопедия. Т. III. С. 470.
 33. *Гали Б.* Путь Египта в Иерусалим. Рассказ дипломата о борьбе за мир на Ближнем Востоке. М.: Ин-тут Африки РАН, 1999. С. 350.
 34. См.: *Ростов Ю.* Что кроется за арабо-израильским конфликтом // Борьба за наши права / Под ред. Недавы Й. Тель-Авив, 1992. С. 216.
 35. По свидетельству Шимона Переса, черновик мирного договора между двумя странами был согласован к 5 мая 1993 г.; см.: *Перес Ш.* Новый Ближний Восток. М.: Изд-во «Прогресс», 1994. С. 30.
 36. Детальное обсуждение данной проблемы см. в ст. проф. Теодора Фридгута «Поколения и политика: некоторые изменения в мировоззрении и в политических предпочтениях в современном Израиле. В кн.: Миграционные процессы и их влияние на израильское общество / Под ред. Эпштейна А., Федорченко А. М.: Ин-тут изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. С. 36–71.

37. О проблемах политической самоидентификации израильских арабов см.: *Нойбергер Б.* Арабское меньшинство: национальная обособленность и политическая интеграция. С. 45–103.
38. О проблеме палестинских беженцев в контексте арабо-израильского конфликта см.: *Morris B.* The Birth of the Palestinian Refugee Problem. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
39. См.: *Меир Г.* Моя жизнь. Автобиография. Т. II. С. 311.
40. См.: *Перес Ш.* Новый Ближний Восток. С. 239.
41. State of Israel // Israel in Figures, 1998. Central Bureau of Statistics. P. 8.
42. См.: *Перес Ш.* Новый Ближний Восток. С. 219.
43. См.: *Ram U.* The Changing Agenda of Israeli Sociology. Theory, Ideology and Identity. Albany: State University of New York Press, 1995; *Энштейн А.* Основные направления и новые тенденции в развитии израилюведческих исследований в 80–90-е годы // Восток. 2001. № 1. С. 172–180.